

к которым они привыкли)... Сказывалось также и то, что славяноведение имело в царской России определенный политический оттенок. Поэтому состав собиравшихся у меня был в известной степени однороден. Встречи и беседы у меня по „понеделникам“ могли способствовать дальнейшему сближению и оформлению старой буржуазной интеллигенции, бывавшей у меня. Я лично в организованных предприятиях антисоветского характера участия не принимал».

На следующий вопрос «Как Вы определяете политическое лицо собиравшихся у Вас?» последовал такой ответ: «Как я уже говорил, все это представители старой русской дореволюционной интеллигенции с сильным буржуазным уклоном... Часть из собиравшихся у меня по „понеделникам“ были связаны с заграничными славистическими кругами».

Наконец, от Сперанского потребовали дать характеристику Н. С. Трубецкого. Сказано следующее: «Трубецкой Н. С. мой слушатель по Московскому университету. Знаю, что он каким-то образом во время гражданской войны оказался за границей. Я с ним не переписывался, но получил от него по почте брошюру — „К украинской проблеме“ антисоветского содержания. Эта брошюра отобрана у меня при обыске. От Н. Н. Дурново, которого я спрашивал о Трубецком, знаю, что Дурново встречался с Трубецким за границей. Знаю, что Дурново и после возвращения из-за границы сносился с Трубецким. Знаю, что Трубецкой был евразийцем».

Следовательская запись допроса содержит явно не принадлежащие Сперанскому формулировки вроде «с сильным буржуазным уклоном». Однако создается впечатление, что Сперанский старался говорить правду. Он отрицает то, чего безусловно не было (заметим, впрочем, что на этом допросе, если верить протоколу, его прямо не спрашивали о подпольной организации), но не отказывается от того, что, надо думать, было на самом деле. «Понеделники» Сперанского, где собирались свои, проверенные люди, не могли не быть в начале 30-х годов местом, где можно было отвести душу и поговорить о наболевшем. Если о «лишении прав собственности, привилегий» в то время уже могли и не думать, то беседы «о тяжелом положении науки в Советском Союзе, о тяжелом положении интеллигенции, о продовольственных затруднениях», безусловно, возникали. Слависты же находились в то время в особо тяжелом положении, поскольку шла борьба с «панславизмом», отношения со славянскими странами «санитарного кордона» были крайне напряженными, и даже общее происхождение славянских языков и народов было «опровергнуто» объявленным единственно правильным «новым учением об языке» Н. Я. Марра. Неслучайно, например, такое марровское высказывание: «Русский оказался по пластам некоторых стадий более близким к грузинскому, чем русский к любому индоевропейскому, хотя бы славянскому» [2]. Вряд ли можно сомневаться и в том, что Н. Н. Дурново после возвращения в Москву рассказывал на «понеделниках» о своих зарубежных встречах, в том числе и с Н. С. Трубецким. Сперанский понимал, что круг участников встреч у него дома и их политические симпатии и антипатии уже известны следствию, что многие из его друзей уже давали об этих встречах показания, и решил, вероятно, что, говоря правду, он скорее сможет рассчитывать на снисхождение.

Однако в тот же день ситуация вновь меняется. Тем же днем датируется письмо Г. Молчанова во внутренний изолятор ОГПУ «т. Попову»: «По распоряжению Зам. Пред. ОГПУ немедленно освободить из-под стражи содержащегося во внутреннем изоляторе ОГПУ — Сперанского Михаила Несторовича».

Оказывается, в первый же день после ареста Сперанский уже подлежал «немедленному освобождению». Однако по каким-то причинам, скорее всего для устрашения, несчастного старика продержали во внутреннем изоляторе (то есть на Лубянке) еще трое суток. И лишь 15 апреля Михаил Несторович был отправлен домой под подписку о невыезде.

В чем причина такого поворота дела? Сразу отметим, что В. Н. Перетц, дело которого шло параллельно и здесь же, из-под стражи не освобождался.